

УДК 336.78(73:520)

doi 10.17072/2219-3111-2022-4-51-61

Ссылка для цитирования: *Никитин Л. В.* Финансовые бури на Тихом океане: соперничество США и Японии в банковской сфере (1970–2020 годы) // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4(59). С. 51–61.

ФИНАНСОВЫЕ БУРИ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ: СОПЕРНИЧЕСТВО США И ЯПОНИИ В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ (1970–2020 ГОДЫ)

Л. В. Никитин

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 69;

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76

contlab2003@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7404-8782

Scopus Author ID: 57210433574

В работе на полувековом историческом интервале (от начала 1970-х гг. до настоящего времени) прослеживается развитие одного из ключевых аспектов в политических и экономических отношениях США и Японии – конкуренции между банковскими системами названных стран. Особое внимание именно к этой паре финансовых сил объясняется их лидирующим положением в глобальной банковской отрасли на протяжении многих десятилетий. Основой для исследования послужили 50-летние ряды статистических данных, а также национальное законодательство, материалы прессы и мемуарная литература. Показано, что еще сохранявшееся к началу 1970-х гг. банковское лидерство США выглядело все менее прочным в условиях стремительного наступления японских финансовых групп (которое, в свою очередь, опиралось на промышленные достижения времен «японского экономического чуда»). В 1970–1980-е гг. Япония не просто обошла США по банковским показателям, но и стала новой отраслевой доминантой. Однако в следующие два десятилетия на фоне общего торможения японской экономики кредитно-финансовое лидерство вновь перешло к США. В обеих странах эти драматические развороты сопровождались глубоким реформированием национальных банковских систем (при несомненном сходстве в хронологии и направленности преобразований). Вскоре после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. схожие по методам регулирования и тесно связанные банковские сообщества США и Японии вышли на относительно плавные траектории при сопоставимых показателях; однако теперь обе страны заметно отстают от новой отраслевой сверхдержавы в лице Китая.

Ключевые слова: США, Япония, банки, 1970–2010-е гг., регулирование, конкуренция, взаимодействие.

Развитие отношений между США и Японией, двумя великими державами Тихого океана, нередко рассматривается с обоих берегов как выдающийся пример перехода от вражды к историческому примирению. Военно-политическое противостояние названных стран, ставшее одной из важнейших линий во всей глобальной политике во второй четверти XX в., завершилось победой многонациональной антияпонской коалиции в августе 1945 г. В последующий период, начиная с оккупации 1945–1952 гг., действия США были направлены на то, чтобы помочь Японии стать демократической и лишённой имперских амбиций страной (но, конечно, являющейся при этом надёжным союзником Вашингтона в новых геополитических реалиях).

Между тем к 1970-м гг. стремительно развивавшаяся Япония вновь оказалась для американцев очень серьёзным конкурентом – теперь уже в экономическом плане. На этом историческом рубеже Япония уверенно занимала третье место в мире по объёму ВВП, уступая лишь США и Советскому Союзу. Металлопрокат, автомобили, электроника и другие товары с японских островов повсеместно вытесняли американскую продукцию, в том числе и на внутреннем рынке Соединённых Штатов.

Торговое и технологическое соперничество двух гигантов, являвшееся в 1970–1980-е гг. горячей темой для представителей политического и делового мира, сегодня вызывает немалый интерес у специалистов по экономической истории (напр., [Urata, 2020]). Вместе с тем суще-

ствует еще один очень важный, но малоизученный аспект этой широкомасштабной и драматической конкуренции – борьба между США и Японией за лидерство в мировом банковском секторе. Именно этому вопросу, который не только заслуживает специального внимания, но и может быть изучен на основе достаточно надежной и детальной статистики, посвящена данная публикация.

Стартовым хронологическим рубежом исследования является начало 1970-х гг., то есть время, когда Япония, уже давно добившаяся прекрасных результатов в промышленной сфере, смогла заявить о себе и в качестве финансового гиганта. К этому же периоду относятся и некоторые другие переломные события (в особенности кризис Бреттон-Вудской системы), речь о которых пойдет в дальнейшем. Не менее важно и то, что именно с 1970 г. доступен ключевой статистический источник – данные по активам и иным показателям крупнейших банков мира, публикуемые специализированным британским журналом *The Banker* (*The Banker Database*, 1970–1979, 1980–1989, 1989–2020). Ценным дополнением к таблицам *The Banker* являются аналогичные сводки, которые с 2013 г. составляет американский информационный холдинг *Standard & Poor's* (*S&P Global Market Intelligence*, 2013–2020). Такие данные в сочетании с источниками не количественного плана (законодательными актами, мемуарами и прессой) позволяют не только увидеть исторические сдвиги 1970-х гг., но и проследить дальнейшее развитие американо-японского соревнования в банковской сфере вплоть до настоящего времени.

Итак, в 1970 г. Соединенные Штаты, являясь мировым лидером по величине ВВП, вполне предсказуемо занимали первое место и в кредитном секторе. Как показывают расчеты на основе данных *The Banker*, активы американских банков составляли тогда почти 302 млрд долл. (или 35,8 % от общей глобальной суммы). Япония, хотя и ставшая к тому моменту второй банковской державой, заметно отставала (134 млрд долл.; 16 %)¹ (рисунок).

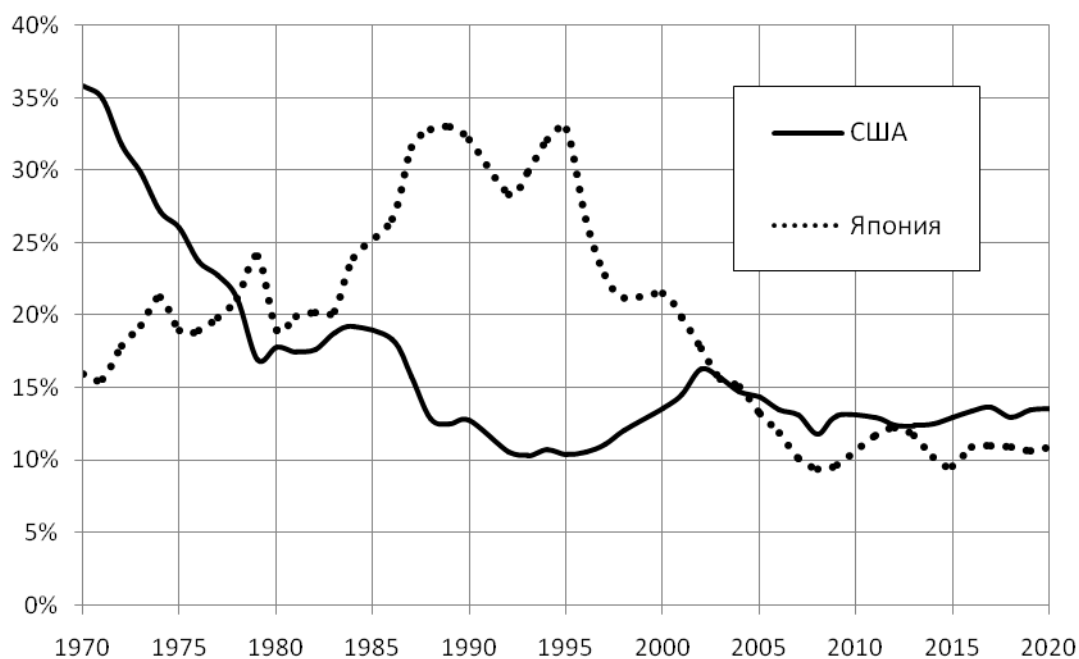

Рис. Доли банков США и Японии в суммарных активах банков мира, 1970–2020 гг. (расчеты автора на основе данных *The Banker* (*The Banker Database*) и *Standard & Poor's S&P* (*Global Market Intelligence*))

Однако этот внушительный разрыв очень быстро сокращался. Японские банковские корпорации, тесно связанные с национальной промышленностью, стремительно росли вместе с ней. В 1973 г. Токио по активам местных банковских групп (154 млрд долл.) впервые оказался выше Нью-Йорка (146 млрд долл.). Деловые кварталы токийских районов Тюо и Тиёда теперь обладали в банковском деле не меньшим весом, чем нью-йоркский Манхеттен, но это было лишь покорением «первой высоты». Смена лидера среди финансовых столиц определенно указывала на приближение аналогичной рокировки уже на уровне стран.

Показательным образом менялась и ситуация с зарубежным офисным представительством. Если американские кредитные гиганты стали открывать свои отделения в Токио вскоре после Второй мировой войны (напр., (*Rockefeller*, 2003, p. 246)), то японские банки (за исключением специализированного *Bank of Tokyo*) долгое время почти не работали за границей. Решительные изменения в этом плане произошли в конце 1960-х–1970-е гг. Набравшие силу японские финансовые дома двинулись в другие страны, с особым энтузиазмом осваивая огромный рынок США. Важно подчеркнуть, что центром притяжения для них, наряду с «каноническим» Нью-Йорком, стала и Калифорния – ключевая перевалочная база на пути японских товаров в Америку [*Богданов, Сергеев*, 1981, с. 89–92].

Примерно в это же время в результате слияния двух больших банков предыдущего поколения (*Dai-Ichi Bank* и *Nippon Kangyo Bank*) возник *Dai-Ichi Kangyo Bank*, ставший новым флагманом японского кредитного сообщества. При этом объединившиеся стороны подчеркивали, что альянс создается для более успешной конкуренции с зарубежными, особенно американскими, финансовыми силами (*Largest Japanese Bank...*, 1971).

Следует, однако, заметить, что в обеих банковских державах организация работы отрасли в начале 1970-х гг. серьезно отличалась от того, что является более привычным в наши дни.

В США продолжали действовать пришедшие из XIX в. правила, по которым банкам не разрешалось работать за пределами своих штатов или даже городов (но не за границами страны). Параллельно существовали регламентации, сложившиеся в период борьбы с Великой депрессией в 1930-е гг.: запрет на совмещение банковского бизнеса с игрой на фондовом рынке и контроль со стороны правительственных агентств над уровнем ставок. Подобное регулирование сыграло немалую роль в том, что с 1960–1970-х гг. американские банки стали отставать по динамике развития от ряда зарубежных конкурентов, работавших в условиях более свободного законодательства [*Никитин*, 2019, с. 54, 75–80, 90].

В Японии, впрочем, ограничения были еще более строгими. Наряду с особенностями внутренней ситуации (прямым влиянием Центробанка и Минфина на выбор приоритетных отраслей для кредитования, административным формированием наиболее важных ставок, «системой конвоев», которая предусматривала рост ведущих банков с примерно одинаковыми скоростями, и т.д.), практиковался жесткий контроль над движением капиталов через границу. Для выхода японских финансовых институтов на зарубежные рынки, а также для покупки иностранными инвесторами ценных бумаг японских эмитентов и иных видов трансграничных действий обычно требовались специальные разрешения от высоких административных структур [*Tett*, 2003, p. 20–21; *Cassis*, 2006, p. 239; *Андрюшин*, 2019, с. 114–115].

С такими моделями финансового регулирования – эффективными для прежних времен, но все более архаичными в условиях быстро развивающейся глобализации – США и Япония подошли к великим сдвигам 1970-х гг. в мировой экономике и политике.

Одним из них стал кризис и распад Бреттон-Вудской валютной системы (сложившейся на выходе из Второй мировой войны и отличавшейся фиксацией курса американского доллара по отношению к золоту, а других валют – по отношению к доллару). На поздних этапах своей истории эта система удерживала завышенные котировки доллара. Когда же в начале 1970-х гг. Бреттон-Вудские механизмы были выключены (в том числе по инициативе президента США Ричарда Никсона), курс доллара стал быстро снижаться по отношению к ряду других валют, включая иену. В свою очередь, эта тенденция (при некоторых торговых преимуществах для американской стороны) способствовала дальнейшему повышению глобального веса японских банков.

Другим переломным событием оказался мировой экономический кризис 1973–1975 гг., сопровождавшийся стремительным ростом цен на нефть и другие энергоносители. Для Японии, сильно зависящей от импорта подобного сырья, началась полоса непростых испытаний. Однако именно эти обстоятельства подтолкнули руководство страны к проведению реформ, относившихся в том числе и к финансовой сфере.

Стремясь преодолеть дефицит госбюджета, правительство Такэо Мики с 1975 г. радикально расширило эмиссию долговых бумаг, что послужило также мощным стимулом для развития национального фондового рынка [*Cassis*, 2006, p. 240; *Grossman*, 2010, p. 278]. В конце десятилетия были отменены многие ограничения на экспорт и импорт капитала [*Матюхин*, 1979, с. 143–153; *Cassis*, 2006, p. 240–241]. В результате Токио, Осака и некоторые другие

японские города теперь не только обладали очень крупными банками, но и становились все более важными узлами в международных финансовых связях. Несмотря на серьезные сбои 1973–1975 гг., национальная экономика, включая кредитный сектор, продолжала быстро расти; в 1976–1978 гг. происходило очень важное в этом контексте повышение курса иены [Cassis, 2006, p. 240].

Вскоре, в 1979 г., Япония по общим активам банковских корпораций (1,08 трлн долл.) впервые превзошла Америку (760 млрд долл.)² (см. рисунок). Этот фундаментальный сдвиг в развитии мировых финансов был замечен (на основе несколько иных данных) аналитиками: если еще в 1974 г. американский историк и экономист Ч. Киндлбергер в своей новаторской работе о мировых финансовых центрах вообще не упоминал Токио [Kindleberger, 1974; Никитин, 2021], то всего через несколько лет японская тема стала одной из ведущих в комментариях таких видных специалистов, как Г. Г. Матюхин и Г. К. Рид [Матюхин, 1979; Reed, 1980; Reed, 1981].

В это же время, то есть на рубеже 1970–1980-х гг., в свою эпоху больших реформ вступали и Соединенные Штаты. Администрации Джеймса Картера и Рональда Рейгана в рамках общего курса на экономическую либерализацию провели существенные преобразования и в финансовой системе. На данном этапе, в частности, началось устранение внутренних географических барьеров для ведения банковской деятельности, а также был прекращен прямой административный контроль над уровнем ставок. Впрочем, из-за некоторых просчетов, допущенных в ходе этой модернизации, одним из ее результатов стало разорение множества банков, включая и несколько очень крупных корпораций из Техаса и Иллинойса [Никитин, 2019, с. 149–152, 155–161].

К тому же на другой стороне Тихого океана продолжалось – хотя и совсем не линейным образом – экономическое усиление Японии. Для данной страны серьезным испытанием стало новое повышение цен на нефть (в 1979–1980 гг.), а также последовавший мировой экономический кризис начала 1980-х гг. С этими же факторами была связана и некоторая коррекция банковских достижений (см. рисунок). Но вскоре, преодолев этот период, национальное хозяйство стало еще увереннее набирать обороты, чему также способствовала дальнейшая экономическая либерализация, развернувшаяся с 1982 г. при правительстве Ясухио Накасонэ.

В это же время с невиданной силой нарастал японский экспорт в США. Его давление на многие корпорации и целые отрасли американской экономики (с неизбежными последствиями в виде драматических банкротств и массовых увольнений) становилось уже не только экономической, но и политической проблемой. С немалым трудом администрации Рейгана и кабинету Накасонэ (при участии ведущих руководителей из Западной Европы) удалось найти приемлемый способ сглаживания дисбалансов. 22 сентября 1985 г. в нью-йоркском отеле «Плаза» было подписано многостороннее соглашение, которое предусматривало прежде всего повышение курса иены к доллару [Гарбузов, 2008, с. 373–374; Rickards, 2011, p. 95–96]. Это не очень приятное для японцев решение позволяло им избежать более тяжелого сценария – радикального ужесточения таможенной политики США.

Соглашение «Плаза» в значительной мере достигло поставленной цели: показатели американского внешнеторгового баланса, а вместе с ними и отношения между Вашингтоном и Токио, несколько улучшились. Однако в контексте данного исследования еще более важным было иное обстоятельство. Дорогая иена (даже после некоторой коррекции курсов на основе Луврских соглашений 1987 г. [Гарбузов, 2008, с. 408–409, Rickards, 2011, p. 96]) еще сильнее потянула вверх показатели японских банков, чье превосходство над конкурентами из США теперь выглядело подавляющим.

В 1987 г. японский банк (уже упомянутый *Dai-Ichi Kangyo*) впервые стал крупнейшим в мире по величине активов. Более того, и следующие два места также принадлежали его «соотечественникам» – токийскому *Fuji Bank* и *Sumitomo Bank* из Осаки. О глобальной силе этих и других корпораций свидетельствовало, например, и то, что в 1987–1988 гг. при заключении одной из крупнейших сделок на внутреннем рынке США (поглощении техасского *First Republic Bank* группой *NCNB Corporation* с центром в Северной Каролине) чрезвычайно важную роль сыграло привлечение японского капитала (Seidman, 2000, p. 152–154). Примерно в это же время денежные вливания из Японии помогали преодолеть длительную полосу неудач огромному калифорнийскому холдингу *BankAmerica* (BankAmerica..., 1987). Похожие события происходили и в соседних экономических сферах: так, в 1989 г. корпорация *Mitsubishi Estate*, тесно связанная с токий-

скими *Mitsubishi Bank* и *Mitsubishi Trust*, стала крупнейшим собственником знаменитого Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке. Эта новость, по словам представителя выдающейся династии бизнесменов и политиков Дэвида Рокфеллера, вызвала в Америке «истерию» и разговоры о том, что Япония – это «монолитный гигант, использующий наивных американцев в тонкой торговой войне, а затем скупающий американское достояние» (*Rockefeller*, 2003, p. 475–476).

На первом историческом максимуме, который был достигнут в 1989 г., японская доля в мировых банковских активах превышала 33 % (почти 6 трлн долл.), тогда как на США приходилось только 12,5 % (2,3 трлн долл.). Таким образом, за еще относительно короткий период наблюдений двукратное превосходство прежнего лидера сменилось почти зеркальным превосходством его основного конкурента (см. рисунок). При так и не случившемся, вопреки популярным в 1980-е гг. прогнозам, подъеме Японии на первое место в мире по размеру ВВП эта условная «недоработка» была сглажена феноменальными результатами на банковском пространстве.

Тем временем, однако, в японской экономике уже работали некоторые механизмы, готовившие ее отступление с блистательных вершин (причем не только по банковским показателям).

Расширение национального фондового рынка, начатое, как уже упоминалось, в 1975 г., потянуло за собой серию незапланированных последствий. По примеру правительства на это поле стали выходить и частные эмитенты – прежде всего крупнейшие промышленные корпорации, которые тем самым уменьшали свою зависимость от банковского кредита. В свою очередь, банки, нуждавшиеся теперь в новых клиентах, стали активнее работать с малым и средним бизнесом, а также с физическими лицами. Все это, особенно в сочетании с низкими ставками Центрального банка, пытавшегося стимулировать восстановление общего экономического роста, вызвало невиданный бум на фондовом рынке, в ипотечном кредитовании и в секторе недвижимости. Наконец, на смену рыночной эйфории, которая стала особенно выраженной на исходе 1980-х гг., пришло обвальное падение спроса и на фондовых биржах, и в строительстве [*Grossman*, 2010, p. 278–279].

Затем ко всем этим обстоятельствам добавились различные проблемы, связанные с мировым экономическим кризисом начала 1990-х гг., а также очередное повышение цен на нефть. Наметилось и ослабление глобальных позиций иены: после пика, пройденного в 1991 г., ее доля в международных резервах стала снижаться [*Eichengreen*, 2012, p. 68]. Отметим также особые трудности, возникшие непосредственно в кредитной системе. Значительная часть собственного капитала японских банков традиционно состояла из принадлежавших им акций промышленных компаний своей же страны. После биржевого краха и падения стоимости акций этот капитал заметно сократился, что заставило банки – в полном соответствии с только что согласованными международными рекомендациями³ – восстановить пропорцию и примерно в той же степени сократить свои активы или даже свернуть зарубежную деятельность [*Cassis*, 2006, p. 269–270].

Для Японии начинался новый исторический период, который комментаторы вскоре стали называть «потерянным десятилетием», а потом и «потерянными десятилетиями».

На траекторию снижения вместе со страной переходила и национальная кредитная система. Глобальная доля японских банков сократилась во время кризиса начала 1990-х гг., затем довольно неожиданно выросла по итогам 1993–1994 гг., повторно достигнув очень высокой точки (32,8 %; 9,9 трлн долл.), после чего произошел настоящий обвал (см. рисунок). (Следует заметить, что, например, в относительно недавней работе американских авторов Г. Хаббарда и Т. Кейна не 1990 г. с его биржевым крахом, а именно 1994 г. трактуется как решающая точка разворота всей японской экономики в сторону долгосрочной стагнации [*Hubbard, Kane*, 2013, p. 175].)

В новые времена уже не японские капиталы вливались в американский кредитный бизнес при непростых для него обстоятельствах, а, наоборот, финансовые силы из США решили вложить средства в проблемный токийский банк *LTCB*: в 1998 г. он был национализирован правительством Кэйдзо Обути, а с 2000 г. смог относительно успешно продолжить работу (под названием *Shinsei Bank*) лишь в результате прихода новых собственников из-за океана [*Tett*, 2003, p. 127–182]. Свообразным отражением изменившихся реалий стало и то, что в 1995 г., после всего лишь шестилетнего владения, группа *Mitsubishi Estate* была вынуждена отказаться от Рокфеллеровского центра; затем по довольно сложной схеме произошло «возвращение драгоцен-

ности» – переход этого грандиозного исторического комплекса к группе инвесторов, включая Дэвида Рокфеллера и нью-йоркский банк *Goldman Sachs (Rockefeller, 2003, p. 477–480)*.

Часто менявшиеся правительства совместно с Центральным банком Японии по-прежнему (и без особого успеха) пытались запустить новый подъем национального хозяйства с помощью беспрецедентно низких ставок. В 1997 г. кабинет Рютаро Хасимото инициировал комплекс финансовых реформ, получивших неофициальное название «Большой взрыв». Эта преобразования, осуществленные уже при следующих составах правительства в 1998–2001 гг., выглядели как решающий и итоговый прорыв к финансовой либерализации. В частности, были радикально упрощены правила для перемещения капиталов через границу, произошло также устранение организационных барьеров между кредитным, страховым и инвестиционным бизнесом [*Patrikis, 1998; Cassis, 2006, p. 270*]. Но и после всех этих изменений японское банковское сообщество не смогло обрести свой прежний динамизм, что было особенно заметно в сравнении с американскими конкурентами.

Действительно, в США, при похожих векторах банковского дерегулирования, наблюдалась совсем иная ситуация. С 1993 г. у власти там находилась администрация Уильяма Клинтона, которая добилась устойчивого роста ВВП, снижения безработицы и победы над дефицитом госбюджета. Кроме этого, уже в самом начале нового президентства была преодолена волна банкротств, ранее охватившая кредитный сектор. После принятия в 1994 г. знаменитого закона Ригла–Нила были отменены явно устаревшие запреты на развитие общенациональных банковских сетей. В 1999 г., аналогично японскому «Большому взрыву» (и почти синхронно с ним), закон Грэмма–Лича–Блайли отменил существовавшее десятилетиями разграничение между классической банковской деятельностью и игрой на фондовом рынке [*Никитин, 2019, с. 190–192, 198–200*].

Параллельная отраслевая либерализация (в частности, отмена межштатных «банковских границ» в США и отказ от «системы конвоев» в Японии) привела как минимум к одному похожему результату – в обеих странах стали происходить все более впечатляющие слияния и поглощения финансовых компаний.

В Америке мощными центрами консолидации стали нью-йоркские холдинги *JPMorgan Chase* и *Citigroup*, каждый из которых установил контроль над множеством банков в различных регионах [*Никитин, 2020, с. 80–82*]. В Шарлотте (Северная Каролина) очень быстро развивалась *NCNB Corporation*, которая в 1998 г. фактически присоединила к себе калифорнийский холдинг *BankAmerica* и приняла затем очень похожее название – *Bank of America*. В самой Калифорнии, успешно конкурируя с традиционно сильными там японскими банками, стремительно рос холдинг *Wells Fargo*. Эта финансовая империя с центром в Сан-Франциско за счет серии поглощений уверенно продвигалась по карте США с запада на восток [*Никитин, 2019, с. 232–235, 279–290, 293–299*]. Даже при наличии и других очень крупных корпораций эта «большая четверка», оформившаяся на рубеже 1990–2000-х гг., с тех пор явно доминировала на американском банковском поле.

К похожему результату, только в еще более концентрированной версии, продвигалась и Япония. В 1995–1996 гг. на основе прежних *Bank of Tokyo* и *Mitsubishi Bank* был создан *Bank of Tokyo – Mitsubishi*, ставший на тот момент крупнейшим в мире. Американские комментаторы с некоторым беспокойством говорили о том, что новая группа сможет эффективно соединить разветвленные офисные сети внутри Японии, которыми обладал *Mitsubishi*, с широким глобальным присутствием *Bank of Tokyo*. Отдельно отмечались и сильные позиции новой группы на рынке Калифорнии (*Wudunn, 1995, 1996*).

В 2000–2001 гг. сразу три больших банка (в том числе прежний лидер национального кредитного сектора *Dai-Ichi Kangyo*) объединились для создания нового конгломерата *Mizuho Financial*. Параллельно завершилось слияние *Sakura Bank* (чьи истоки были в Токио и Кобе) с *Sumitomo Bank* из Осаки. Сформированная на их основе корпорация *Sumitomo Mitsui Banking Corporation* имела уже только столичную регистрацию. Наконец, в 2005–2006 гг. к *Bank of Tokyo – Mitsubishi* присоединилась группа *UFJ Holdings* (Осака). В результате возник еще более впечатляющий гигант *Mitsubishi UFJ Financial Group (MUFG)*; при этом очень большую роль в его создании сыграло национальное правительство [*Андрюшин, 2019, с. 116*]. Таким образом, в Японии сложилась «большая тройка» (*MUFG, Mizuho* и *Sumitomo Mitsui*), степень доминирова-

ния которой оказалась даже выше, чем у «большой четверки» в США. Это же можно сказать и о внутренней географии: если в американском случае конкурировать с Нью-Йорком продолжали Шарлотт и Сан-Франциско, то в Японии попытки добиться эффективности через консолидацию привели к стягиванию практически всех банковских сил в Токио.

Впрочем, американский и японский варианты периода великих слияний (1990-е – середина 2000-х гг.) различались не столько по этим особенностям, сколько по стратегическим результатам. Глобальная банковская доля США на протяженном хронологическом интервале росла, а доля Японии очень быстро падала (см. рисунок). Рейтинг 2004 г. был последним, в котором японскому банку (*Mizuho Financial*) удалось возглавить мировую иерархию. В 2005 г. закончился 32-летний период бессменного лидерства Токио (правда, эстафета перешла не к Нью-Йорку, а к Парижу). Тогда же по суммарным показателям на уровне стран Япония (13,2 %; 8 трлн долл.) впервые за 26 лет уступила верхнюю ступень Соединенным Штатам (14,3 %; 8,7 трлн долл.).

Эта обратная смена мирового банковского лидерства происходила накануне еще одного исторического события – глобального экономического кризиса 2008–2009 гг.

Самый глубокий провал в мировом хозяйстве за много десятилетий, почти сразу названный «Великой рецессией», потребовал решительных стабилизационных действий не только со стороны отдельных правительств, но и в транснациональном масштабе. При этом в новой и крайне сложной ситуации уже не выглядели подходящими прежние переговорные форматы с довольно ограниченным кругом участников (как было, например, при выработке соглашения «Плаза» в 1985 г.). Для координации действий в условиях «Великой рецессии» потребовались грандиозные форумы «большой двадцатки» (G20), отличавшиеся широким географическим представительством и проходившие тогда каждые полгода.

Вопросы банковского регулирования особенно часто звучали на третьей встрече G20, которая состоялась в Питтсбурге в сентябре 2009 г. При всей представительности саммита на нем – в силу огромного экономического веса своих стран – чрезвычайно важную роль играли президент США Барак Обама и премьер-министр Японии Юкио Хатояма. Все участники переговоров согласились с необходимостью уменьшить степень рисков в мировой финансовой системе, главным образом через наращивание собственного резервного капитала банков и ограничение бонусов для высшего менеджерского звена. Правда, на пути к более детальным и конкретным договоренностям возникали труднопреодолимые разногласия между ведущими игроками: в частности, делегация из Японии говорила, что к банкам данной страны, которые и так отличаются более осторожной и консервативной политикой, нужен несколько иной подход (*Andrews, 2009*).

В этой связи следует заметить, что подобные выводы, хотя и представлявшиеся избыточными, не были лишены определенных оснований. То, что происходило на предыдущем этапе, можно было трактовать не только как отступление японских банков, но и как их отказ от формирования слишком рискованных активов. Уже в самом начале кризиса 2008–2009 гг. некоторые комментаторы отмечали, что японские банки проходят через него легче, чем их конкуренты из Америки и Европы (напр., (*Fackler, 2008*)). Эти предварительные наблюдения со временем были подтверждены новыми блоками статистики (см. рисунок). Более того, в конце 2008 г. крупнейший токийский банк *MUFG* воспользовался падением котировок на фондовом рынке США и приобрел по низкой цене крупный пакет акций нью-йоркского банка *Morgan Stanley*; возникший на этой основе альянс в дальнейшем стал успешным инвестиционным бизнесом межконтинентального масштаба (*Murphy, 2008; Hoffman, 2019*).

В начале следующего десятилетия в Японии активизировались попытки преодолеть долгосрочные неблагоприятные тенденции в национальной экономике в целом. Особенно большую работу в этом плане провело правительство Синдзо Абэ, пришедшее к власти в 2012 г. Новый кабинет решительно пошел по пути девальвации иены, расширения денежной массы и вложения огромных бюджетных средств в инфраструктурные проекты. «Абэномика», при всех ее рисках, в своеобразных условиях современной Японии привела к некоторым положительным сдвигам – например, к улучшению ряда внешнеторговых позиций и сокращению безработицы (хотя и в сочетании со все еще медленным ростом ВВП).

В еще большей мере к достижениям 2010-х гг. можно было отнести то, что происходило в банковском секторе. После очень долгого снижения доля страны в глобальных активах в це-

лом стабилизировалась и вошла в коридор 9,5–12,5 % (см. рисунок). Давно утратив абсолютное лидерство, Япония с показателями порядка 12–14 трлн долл. все же осталась одной из ведущих банковских сил на планете. Кроме этого, из-за нарастающего доминирования «большой тройки» и других столичных корпораций на внутреннем финансовом поле в аналогичном рейтинге среди мировых городов еще более прочными выглядели позиции Токио.

Конечно, кризис 2008–2009 гг. во многом стал переломным моментом и для американской финансовой истории. Глубина и размах «Великой рецессии» потребовали от федеральных властей США огромных бюджетных расходов для стабилизации кредитного сектора и хотя бы частичного решения проблем с ипотекой (как известно, именно спекулятивный рост рынка недвижимости и связанных с ней финансовых инструментов сыграл особенно большую роль в приближении кризиса). Также при активном участии правительства остатки бизнеса некоторых банков, особенно глубоко вовлеченных в спекулятивную ипотеку, были присоединены к стабильным и надежным корпорациям, в том числе из «большой четверки»: в частности, различные структуры разорившегося *Washington Mutual* из Сиэтла перешли к нью-йоркскому холдингу *JPMorgan Chase*. Затем, после некоторого улучшения ситуации, администрация Обамы смогла перейти от экстренных мер к детально проработанным и системным решениям. В июле 2010 г. был принят закон Додда–Фрэнка, по которому усиливались некоторые механизмы контроля со стороны федеральных регуляторов над финансовой деятельностью и частично восстанавливались разграничения между банками и фондовым рынком (хотя и без возвращения к очень строгим регламентам 1930-х гг.) [Кулакова, 2013].

Последующие статистические данные показывают, что 2010-е гг. стали для банков США, как и для их конкурентов из Японии относительно благоприятным временем. Закон Додда–Фрэнка вместе с его последующей (осуществленной уже при Дональде Трампе) коррекцией 2018 г. позволил несколько снизить уровень рисков без явного подавления деловой активности. Несомненно, благоприятным фактором было и неплохое состояние национальной экономики в целом. Наконец, следует обратить внимание и на такое обстоятельство: американская банковская система, хотя и сыгравшая огромную роль в возникновении кризиса 2008–2009 гг., в пропорциональном отношении была не настолько переполнена ненадежными активами, как некоторые европейские системы. В результате глобальная доля США, преодолев кризисное снижение, затем продемонстрировала довольно уверенный рост и приблизилась в конце десятилетия к 14 % (см. рисунок).

Недавно пройденный рубеж 2010–2020-х гг. представляется оптимальным моментом для подведения основных итогов. За полвека, минувшие со времени превращения Японии в финансовую сверхдержаву, соотношение сил между ней и другим гигантом в лице Соединенных Штатов Америки неоднократно менялось. Если в 1970–1980-е гг. японские банки по сумме активов уверенно обогнали конкурентов из США и ушли далеко в отрыв, то на протяжении большей части 1990-х и 2000-х гг. динамика была почти противоположной. Впрочем, превосходство США над Японией, восстановленное в 2005 г., уже никогда в дальнейшем не становилось подавляющим. Наконец, после преодоления спада из-за «Великой рецессии» 2008–2009 гг. глобальные банковские доли обеих стран вошли в относительно стабильные русла (при некотором отставании Японии – вполне естественном с учетом меньшего объема ВВП).

По состоянию на 2020 г. США контролировали 13,6 % мировых банковских активов (17,4 трлн долл.), а Япония – примерно 11 % (14 трлн долл.). Эти внушительные и относительно стабильные величины по-своему отражают постепенно изменившуюся реальность. Сегодня США и Япония являются не столько конкурентами (особенно если под конкуренцией понимать серьезные торговые и валютные конфликты 1970–1980-х гг.), сколько естественными геополитическими союзниками и странами, которые сближает огромный комплекс взаимных интересов и инвестиций в экономической сфере. Аналогичным образом продолжают соревноваться на глобальном пространстве, но при этом и сотрудничают между собой две гигантские банковские системы, чему способствуют такие факторы, как их взаимная открытость, конвергенция подходов к регулированию, а также длительное отсутствие слишком резких перепадов в валютной паре доллар – иена.

Впрочем, финансовое могущество современных США и Японии, на которые в сумме приходится около четверти активов мирового банковского сектора, выглядит уже не таким грандиозным, если учесть еще один новейший феномен – стремительное восхождение Китайской Народной Республики (КНР). КНР смогла обойти и Японию, и США по суммарным бан-

ковским активам в 2012 г.; тогда же Пекин перехватил мировое лидерство среди городов. По данным на 2020 г., США и Япония уверенно сохраняют второе и третье места, однако с очень большим отставанием от Китая (24,6 %; 31,6 трлн долл.). В некоторых аспектах (гигантский экспорт, жесткое государственное администрирование в ряде финансовых вопросов, колоссальный рост банковского сектора) Китай сейчас напоминает Японию 1970-х гг., но при этом без политического альянса с Америкой (скорее, наоборот, в условиях почти открытой вражды). На берегах Тихого океана начинаются новые финансовые бури, уже в измененной географической конфигурации, и их развитие, конечно, должно стать предметом отдельных исследований.

Примечания

¹ Здесь и далее абсолютные, долевые или ранговые показатели стран и городов в банковской сфере приводятся по результатам обработки исходных данных журнала *The Banker* (The Banker Database, 1970–1979, 1980–1989, 1989–2020). Абсолютные значения, как и в *The Banker*, указываются в текущих ценах и на основе рыночного курса доллара США.

² При подобных сопоставлениях важно, однако, иметь в виду, что в США исторически сложился гигантский фондовый рынок, который в значительной мере компенсировал относительно скромные (в сравнении с масштабами национальной экономики) размеры банковского сектора.

³ Речь идет о транснациональных стандартах, утвержденных в 1988 г. под эгидой Банка международных расчетов (Базель I), Швейцария) и его специализированного комитета. Эти рекомендации, известные в дальнейшем как «Базель I», были направлены на повышение устойчивости банков через соблюдение определенных пропорций между их активами и собственным капиталом.

Список источников

- Andrews E.* Leaders of the G20 Vow to Reshape Global Economy // *New York Times*. 2009. 25 Sept.
BankAmerica Step Reported // *New York Times*. 1987. 14 Jan.
Fackler M. Japan's Economy, World's Second Largest, is in Recession // *New York Times*. 2008. 16 Nov.
Hoffman L. The Muscle Morgan Stanley Flexed in the \$74 Billion Bristol-Myers Deal // *Wall Street Journal*. 2019. 4 Jan.
Largest Japanese Bank is Formed by a Merger // *New York Times*. 1971. 1 Oct.
Murphy P. Morgan Stanley and the MUFG Punter // *Financial Times*. 2008. 22 Sept.
Rockefeller D. *Memoirs*. New York: Random House, 2003. 532 p.
Seidman L.W. *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*. Washington (D.C.): Beard Books, 2000. 315 p.
S&P Global Market Intelligence. The World's 100 Largest Banks, 2013–2020. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/research> (accessed: 15.06.2021).
The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979. URL: <https://www.thebanker.com> (accessed: 11.04.2021).
The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1989. URL: <https://www.thebanker.com> (accessed: 19.04.2021).
The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2020. URL: <https://www.thebanker.com> (accessed: 14.06.2021).
Wudunn S. Merger to Create New Japan Bank, World's Largest // *New York Times*. 1995. 29 Mar.
Wudunn S. Opening Day for Biggest Bank in the World // *New York Times*. 1996. 2 Apr.

Библиографический список

- Андрюшин С.А.* Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты. М.: Сам Полиграфист, 2019. 452 с.
Богданов О.С., Сергеев Б.И. Зарубежные интересы японских банков. М.: Международные отношения, 1981. 144 с.
Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
Кулакова В.К. Трудности финансовой реформы в США // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 147–158.
Матюхин Г.Г. Мировые финансовые центры. М.: Международные отношения, 1979. 216 с.
Никитин Л.В. Исторический лидер перед новыми вызовами: Нью-Йорк в мировой банковской системе 1970–2010-х гг. // *Вестник Том. гос. ун-та. История*. 2020. № 63. С. 76–86.

- Никитин Л.В.* Продолжение Уолл-стрит: Нью-Йорк и другие банковские столицы США на рубеже XX–XXI веков. Челябинск: Изд-во ЮУрГГПУ, 2019. 545 с.
- Никитин Л.В.* Чарльз Киндлбергер (1910–2003) и начало исследований по истории мировых и национальных финансовых центров // Вестник Перм. ун-та. История. 2021. № 2 (53). С. 86–96.
- Cassis Y.* Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005. New York: Cambridge University Press, 2006. 400 p.
- Eichengreen B.* Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System. New York: Oxford University Press, 2012. 224 p.
- Grossman R.S.* Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800. Princeton: Princeton University Press, 2010. 408 p.
- Hubbard G., Kane T.* Balance: The Economics of Great Powers from Ancient Rome to Modern America. New York: Simon & Schuster, 2013. 368 p.
- Kindleberger C.P.* The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History. Princeton Studies in International Finance. No. 36. Princeton: Princeton University, Department of Economics, 1974. 78 p.
- Patrikis E.T.* Japan's Big Bang Financial Reforms // Brooklyn Journal of International Law. 1998. Vol. 24, iss. 2. P. 577–592.
- Reed H.C.* The Ascent of Tokyo as an International Financial Center // Journal of International Business Studies. 1980. Vol. 11, iss. 3. P. 19–35.
- Reed H.C.* The Preeminence of International Financial Centers. New York: Praeger, 1981. 158 p.
- Rickards J.* Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis. New York: Portfolio/Penguin, 2011. 304 p.
- Tett G.* Saving the Sun: a Wall Street Gamble to Rescue Japan from its Trillion-Dollar Meltdown. New York: Harper Business, 2003. 362 p.
- Urata S.* US–Japan Trade Frictions: The Past, The Present, and Implications for the US–China Trade War // Asian Economic Policy Review. 2020. Vol. 15, iss. 1. P. 141–159.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.10.2021

FINANCIAL STORMS IN THE PACIFIC: THE USA–JAPAN COMPETITION IN THE BANKING SECTOR (1970–2020)

L. V. Nikitin

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Lenin av., 69, 454080, Chelyabinsk, Russia
South Ural State University, Lenin av., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
litovchenko@bsu.edu.ru
contlab2003@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7404-8782
Scopus Author ID: 57210433574

The article deals with half a century of historical development (from the early 1970s to the present) of one of the key aspects of US–Japan political and economic relations – competition between the banking systems of these countries. Particular focus on this pair of financial forces is due to their leading positions in the global banking industry for many decades. The research is based on the 50-year series of statistical data, as well as national legislation, periodicals and memoirs. It is shown that the leadership of the USA in the banking sector, still retained by the early 1970s, looked increasingly less solid in the face of the rapid advance of Japanese financial groups (which, in turn, was connected with the “Japanese economic miracle” in the sphere of manufacturing). In the 1970s and 1980s, Japan not only surpassed the United States in banking performance, but also became the new dominant in the sector. Nevertheless, during the general slowdown of the Japanese economy over the next two decades, the banking leadership passed to the United States again. In both countries, these dramatic reversals were accompanied by profound reforms of national banking systems, with a clear similarity in the chronology and direction of transformations. Soon after the global recession of 2008–2009, the banking industries of the USA and Japan (closely tied, similar in regulation methods, and comparable in sizes) have entered relatively smooth trajectories. Now, however, both countries are lagging behind the new banking superpower of China.

Key words: USA, Japan, banks, the 1970s – 2010s, regulation, competition, interaction.

References

- Andrews, E. (2009), "Leaders of the G20 Vow to Reshape Global Economy", *New York Times*, 25 sept.
- Andryushin, S.A. (2019), *Denezhno-kreditnye sistemy: ot istokov do kriptovalyuty* [Money-credit systems: from sources to cryptocurrencies], Sam Poligrafist, Moscow, Russia, 452 p.
- "BankAmerica Step Reported" (1987), *New York Times*, 14 jan.
- Bogdanov, O.S. & B.I. Sergeev (1981), *Zarubezhnye interesy yaponskikh bankov* [Foreign interests of Japanese banks], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, 144 p.
- Cassis, Y. (2006), *Capitals of Capital. A History of International Financial Centres. 1780–2005*, Cambridge University Press, New York, USA, 400 p.
- Eichengreen, B. (2012), *Exorbitant Privilege: The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System*, Oxford University Press, New York, USA, 224 p.
- Fackler, M. (2008), "Japan's Economy, World's Second Largest, is in Recession", *New York Times*, 16 nov.
- Garbuzov, V.N. (2008), *Revolyutsiya Ronal'da Reigana* [Ronald Reagan's revolution], Nauka, Moscow, Russia, 567 p.
- Grossman, R.S. (2010), *Unsettled Account: the Evolution of Banking in the Industrialized World since 1800*, Princeton University Press, Princeton, USA, 408 p.
- Hoffman, L. (2019), "The Muscle Morgan Stanley Flexed in the \$74 Billion Bristol-Myers Deal", *Wall Street Journal*, 4 jan.
- Hubbard, G. & T. Kane (2013), *Balance: The Economics of Great Powers from Ancient Rome to Modern America*, Simon & Schuster, New York, USA, 368 p.
- Kindleberger, C.P. (1974), *The Formation of Financial Centers: A Study in Comparative Economic History*, Princeton Studies in International Finance, № 36, Princeton University, Department of Economics, Princeton, USA, 78 p.
- Kulakova, V.K. (2013), "Difficulties of the financial reform in the USA", *Voprosy ekonomiki*, № 10, pp. 147–158.
- "Largest Japanese Bank is Formed by a Merger" (1971), *New York Times*, 1 oct.
- Matyukhin, G.G. (1979), *Mirovye finansovye tsentry* [World financial centres], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, 216 p.
- Murphy, P. (2008), "Morgan Stanley and the MUFG Punter", *Financial Times*, 22 sept.
- Nikitin, L.V. (2020), "A historic leader faces new challenges: New York City in the global banking system of the 1970s – 2010s", *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, № 63, pp. 76–86.
- Nikitin, L.V. (2019), *Prodolzhenie Uoll-Strit: N'yu-York i drugie bankovskie stolitsy SShA na rubezhe XX–XXI vekov* [The greater Wall Street: New York City and other banking metropolises of the USA in the late 20th and early 21st centuries], Izd-vo YuUrGGPU, Chelyabinsk, Russia, 545 p.
- Nikitin, L.V. (2021), "Charles P. Kindleberger (1910–2003) and the beginning of studies on the history of global and national financial centres", *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya*, № 2 (53), pp. 86–96.
- Patrikis, E.T. (1998), "Japan's Big Bang Financial Reforms", *Brooklyn Journal of International Law*, vol. 24, № 2, pp. 577–592.
- Reed, H.C. (1980), "The Ascent of Tokyo as an International Financial Center", *Journal of International Business Studies*, vol. 11, № 3, pp. 19–35.
- Reed, H.C. (1981), *The Preeminence of International Financial Centers*, Praeger, New York, USA, 158 p.
- Rickards, J. (2011), *Currency Wars: The Making of the Next Global Crisis*, Portfolio/Penguin, New York, USA, 304 p.
- Rockefeller, D. (2003), *Memoirs*, Random House, New York, USA, 532 p.
- Seidman, L.W. (2000), *Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas*, Beard Books, Washington (D.C.), USA, 315 p.
- S&P Global Market Intelligence. The World's 100 Largest Banks, 2013–2020* (n.d.), available at: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/research> (accessed 15.06.2021).
- Tett, G. (2003), *Saving the Sun: a Wall Street Gamble to Rescue Japan from its Trillion-Dollar Meltdown*, Harper Business, New York, USA, 362 p.
- The Banker Database. Top 300 World Banks, 1970–1979* (n.d.), available at: <https://www.thebanker.com> (accessed 11.04.2021).
- The Banker Database. Top 500 World Banks, 1980–1989* (n.d.), available at: <https://www.thebanker.com> (accessed 19.04.2021).
- The Banker Database. Top 1000 World Banks, 1989–2020* (n.d.), available at: <https://www.thebanker.com> (accessed 14.06.2021).
- Urata, S. (2020), "US–Japan Trade Frictions: The Past, The Present, and Implications for the US–China Trade War", *Asian Economic Policy Review*, vol. 15, № 1, pp. 141–159.
- Wudunn, S. (1995), "Merger to Create New Japan Bank, World's Largest", *New York Times*, 29 mar.
- Wudunn, S. (1996), "Opening Day for Biggest Bank in the World", *New York Times*, 2 apr.